

Александр Орлов

Призванный ловец

* * *

Мы никогда с отцом не рвали глотки,
Носили тельник на двоих,
Когда я уходил из мореходки,
То папа был ещё среди живых.

Позднее, под хмельными парусами,
Рванулся он к незримым берегам,
Туда, где люди сходятся сердцами,
Не отвлекаясь ни на миг по мелочам.

Он где-то там, а я хожу по суше,
И век считает скорости узлы.
Но говорят ночами наши души,
И мысли наши — двух миров послы.

Осталась от него одна тельняшка,
И годы разделились меж полос,
И нашей встречи долгая оттяжка
Нам не страшна — матроса ждёт матрос.

Кров

Вновь чувствую: исходит от окна
Дух прошлого, и он подслеп и стоек,
И там, внутри бревенчатых построек, —
Иконы, благовестки, ордена.

Там чугунки, наблюдники, скамейки,
Отцов тепло — его хранила печь,
Оно мгновенно может нас обжечь.
Там валенки, ушанки, телогрейки.

Орлов Александр Владимирович — поэт. Родился в 1975 году в Москве. Окончил медучилище, Литинститут им.А.М.Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории в школе. Автор пяти книг стихов, в том числе книги «Разнозимье» (М., 2017) и «Елифань» (2018). Лауреат многих литературных премий. Живет в Москве.

И запах ладана из красного угла,
Молитвы, что хранили на делянках,
И детские мечты на старых санках,
Одежда, что давно уже мала.

В обнимку там с ухватом кочерга,
С лопатой хлебной рядом сковородник,
Под сундуком пропавшая серьга,
А на портрете — мой погибший сродник.

В ряд с кружками встал глиняный горшок,
Во тьме сеней скучают бочки, кадки.
Там жизнь идёт в незыблемом порядке,
И русским отовсюду виден Бог.

И кажется, что этот волжский терем,
Впитавший столько радостей и нужд,
Так мной любим и бесконечно чужд,
Что видится древнеславянским зверем.

* * *

Была хороша плоскодонка
Что сделал премудрый сосед.
Он пел одиноко и звонко
О силе волшебных примет.

Знаток он ловильной науки
И сплёл чародейную снасть
И карпы, и сомы, и шуки,
Должны на приманку попасть.

Пропел он что волны не тронут —
Рыбак он и сын рыбака,
И знает и мели, и омут,
И тайны стального крючка.

Шло время ни шатко, ни валко,
Забит колдовской многослов,
Забята, как басня, рыбалка,
И лодка, и снасти, и клёв.

Ловцы

Где берег и обрывист, и пещерист
От паводков, разливов и дождей
И где вода становится теплой,
И рыбы собираются на нерест —
Петра с отцом ждёт рыболов Андрей.

К воде не смеет подойти ловила,
Он знает, что в глубинах тёплых рек,
В которых утонул последний снег,
Пора любви подводной наступила,
Уйдя от зимних сказочных опек.

И кажется, что глубь воды готова
Принять в объятия каждого из нас
И вылечить от жизненных проказ,
И тихо подступает время лова,
И мир надводный вновь голубоглаз.

Но там, на глубине, на самом дне,
Ерши и щуки, судаки и сомы,
Забыв о холоде, восстав из полудрёмы,
Размножились в семейной западне
И кинулись с потомством в водоёмы.

Все знают, скоро постным дням конец,
Андрей и Пётр раскинут скоро снасти.
Страстные дни, удачу их не сглазьте!
Ведь каждый небом призванный ловец
Живёт не по своей — по высшей власти.

* * *

Верил: в этот проём вхож,
Всё считал ступени к нему.
Перед ним забывают ложь,
Раскрывают в страхе суму

Он по службе видел таких,
На которых равнялась земля,
Перед ним и храбрейший притих,
В глубине сердечной бурля.

И проходят молча досмотр,
И ревниво взирает страж,
Всё решает — наш иль не наш —
Ключник с каменным именем Пётр.

Стражу вечно поёт петух,
С этим спевом теплее рассвет.
И Петра надежнее нет,
И снисходит любви Дух.

* * *

Я выпил жизни полковша,
И вот вторая половина.
И пьётся тихо, не спеша
Под взорами Отца и Сына.

И надо мной всевластный Дух
Из недоступного предела
Беседует с душою вслух,
Вздымает к небу моё тело.

Что ожидает впереди?
Каков прощальный мой десяток?
Мой ангел, мне переведи
Язык Божественных загадок.